

Сергей СЕЛИВЕРСТОВ,
доцент, кандидат исторических наук.

Жазира КУЗГУМБАЕВА,
младший научный сотрудник
Карагандинского областного
историко-краеведческого музея

Один день из жизни Григория Потанина **(12 января 1905 года)**

Ученый и политика — этот сюжет, по-видимому, никогда не сможет устареть. Обычно в нем выделяются (и парадоксальным образом сочетаются) два взаимосвязанных момента. С одной стороны, это вопрос об академической, научной свободе, мечты ученых о независимости от политических сфер, а с другой стороны, параллельно — вопрос о стремлении ученых к активному участию в политике. История интеллигенции XIX-XX веков дает нам немало примеров конкретно-исторического сочетания этих вопросов. "Прошел" через это, притом неоднократно, и Григорий Николаевич Потанин, которого в начале XX века современники сравнивали по значению и авторитету (для сибирского региона) с Л. Н. Толстым.

Личность Г. Н. Потанина, выдающегося исследователя Казахстана и Евразии, общественного деятеля, путешественника, этнографа, фольклориста (по рождению, судьбе и научным интересам - нашего земляка) заслуживает самого внимательного изучения.

Историкам жизненного пути Г. Н. Потанина, хорошо известно о его активной общественной деятельности в конце 50-х - первой половине 60-х годов XIX века, и о том, что он, все-таки, в конце концов предпочел исследовательскую работу политической борьбе. Однако Г. Н. Потанин не изолировался от общественно-политических проблем, а продолжал играть важную роль в сибирской общественной жизни как в 80-90-е годы XIX века, так и в начале XX столетия.

Очевидно, что сегодня, в самом начале нового века, ситуация в области изучения общественно-политической истории Евразийского региона иная, чем, скажем, пятнадцать-двадцать лет назад. Изучение фактов общественной борьбы с государством сегодня является не столь "модным" занятием, получает несколько иное звучание. Однако данная "новая" историографическая ситуация никак не снимает задачи верного истолкования известных и забытых фактов "освободительного" движения в России. Наоборот, потребность в таком объективном истолковании в последнее десятилетие только выросла. Касается это и долгого жизненного пути Г. Н. Потанина. Тем более, что реалистичная историческая картина социально-политического "жанра" не может быть создана без прорисовки жизни и деятельности конкретных личностей.

В судьбе Г. Н. Потанина было немало моментов, когда он соприкасался с политикой. Одним из таких эпизодов является день 12 января 1905 года.

Вообще-то, 1905 год был для Г. Н. Потанина юбилейным: 21 сентября ему исполнялось 70 лет. Сибирская общественность готовилась отметить эту дату. Сохранился проект адреса Западно-Сибирского отдела Императорского Русского

Географического Общества, в котором отмечены заслуги Григория Николаевича перед наукой. Однако среди подобающих такому адресу слов и оборотов в нем содержится предложение, смысл которого из самого текста адреса неясен. Вот оно: "Выражая Вам свое глубокое уважение и искренние пожелания продолжить еще многие годы свою разнообразную и плодотворную деятельность, Западно-Сибирский Отдел надеется, что все то, что тревожит с 12 января текущего года Ваших почитателей, рассеется и исчезнет перед занимающейся зарей на нашей родине".

Какие же тучи сгустились над Г. Н. Потаниным в 1905 году?

Поиски ответа на этот вопрос позволяют нам не только уяснить эпизод личной биографии Г. Н. Потанина, но и одновременно взглянуть с другой стороны на уже, казалось бы, привычные факты общественно-политической жизни начала XX века (характернейшие для своего времени!), выявить социально-политическую "анатомию" такого распространенного явления, как "банкет-митинг", либерально-радикальное общественное собрание.

Основными источниками нам послужили документы Государственного архива Омской области. В частности, в фонде прокурора Омской судебной палаты имеется дело "о беспорядках 12 января 1905 г. в Томском железнодорожном собрании", в котором содержатся следующие материалы, преимущественно копии: 1) донесения (представления с грифом "секретно") прокурора Томского окружного суда прокурору Омской судебной палаты; 2) протоколы допросов лиц, привлеченных по этому делу, в том числе и Г. Н. Потанина; 3) оригиналы радикальных прокламаций; 4) заявления разного рода; 5) уведомления прокурора Томского окружного суда; 6) оригинал прошения Г. Н. Потанина; 7) статистические листки (анкеты) с персональными сведениями о лицах, привлеченных к дознанию; 8) различная секретная служебная переписка, телеграммы. Кроме того, нами использованы некоторые отдельные материалы о Г. Н. Потанине из фонда Омского кадетского корпуса, личных фондов Г. Е. Катанаева и омского краеведа А. Ф. Палашенкова.

Итак, 12 января 1905 года в Томске имел место своеобразный политический "банкет". Однако, упоминая об этом событии, А. М. Сагалаев и В. Н. Крюков, авторы известного исследования о жизни Г. Н. Потанина, не приводят каких-либо архивных данных. Первая ассоциация, которая возникает по поводу даты 12 января 1905 года, связана с событиями 9 января. Кажется, что это должен быть общественный отклик на события в Петербурге. А. М. Сагалаев и В. Н. Крюков полагают, что участники "банкета" знали о произошедшем в Петербурге. Однако данный аспект требует уточнения - прямой связи здесь нет. Как выясняется, дата мероприятия была выбрана томскими либералами заранее и совсем по другому поводу: 12 января (по старому календарному стилю) - это, как известно, Татьянин день - день основания Московского университета.

Нельзя сказать, что событие 12 января в Томске неизвестно в исторической литературе. К рассмотрению "банкета" обращались известные исследователи жизни Г. Н. Потанина - Н. Яновский, М. В. Шиловский, С. Ф. Коваль. Так, Н. Яновский в статье, написанной в 1983 году, приводит из "Обвинительного акта по делу Потанина Г. Н." краткие сведения о его выступлении на банкете, которые, если сравнить, соответствуют данным из дела Омской судебной палаты. Более развернутое изложение событий 12 января дает С. Ф. Коваль, который опирается на данные омского архива. В итоге автор

делает вывод, что этот "весьма примечательный факт из политической биографии Г. Н. Потанина свидетельствует о многом": Потанин являлся одним из "организаторов манифестации" и "оставался сторонником революционной борьбы при сложившихся к тому условиях".

Наиболее полным исследованием событий 12 января, в контексте 1905 года, является статья М. В. Шиловского, написанная на основе архивных материалов Омской судебной палаты и опубликованная в 1984 году. В этой работе "банкет" в Томске рассматривается с позиций взаимодействия большевиков и демократов в условиях реализации тактики "левого блока". Можно назвать и другие работы, но личности Г. Н. Потанина в них уделено места недостаточно, тогда как событие 12 января - факт в биографии Г. Н. Потанина "весьма примечательный". Поэтому анализ события 12 января и участия в нем Г. Н. Потанина должен быть продолжен и углублен.

Начиналось все в Томске в начале января 1905 года в высшей степени политически корректно. 7 января в Томском университете состоялся выпуск, и присяжные поверенные А. М. Головачев, Р. Л. Вейсман, Е. Лури, А. А. Кийков "по поручению группы лиц, окончивших университет", обратились в совет Томского железнодорожного собрания с просьбой предоставить помещение 12 января "для празднования университетского праздника Татьянина дня - открытия старейшего в России Московского университета". Повод для этого был весьма солидный - Московскому университету исполнялось 150 лет. В дальнейшем события развивались на этом "празднике просвещения", как это можно проследить по материалам следственного дела, следующим образом.

Среди общественности города были распространены (без официального разрешения властей) печатные билеты по 3 рубля, общим количеством около ста шестидесяти. Аудитория, собранная таким образом, была бы, конечно, преимущественно умеренно-либеральной. Однако, кроме этого, было оговорено, что каждый обладатель билета может провести с собой двух студентов - университета и технологического института. В студенческой среде возник определенный ажиотаж. В итоге к девяти часам вечера 12 января у Томского железнодорожного собрания собралось человек 400, не имевших билетов, среди них множество студентов и около двадцати рабочих. В конечном счете все они проникли в зал. Эти данные прокуратуры о количестве участников отличаются от данных жандармского управления. По донесению начальника губернского жандармского управления в железнодорожном собрании находилось около семисот человек.

В любом случае, на этом мероприятии были, разумеется, и случайные люди. Одним из таких случайно сагитированных лиц оказался приехавший по делам в Томск Андрей Ипполитович Зыбин, крестьянский начальник из Каннского уезда, потомственный дворянин, 39 лет. Он узнал о вечере в честь 150-летия Московского университета, сучастием "представителей буржуазии", от своего томского знакомого, присяжного поверенного Вейсмана, который пояснил Зыбину, что в собрании "предложено говорить речи прогрессивного направления". И от нечего делать вечером 12 января Зыбин пошел в железнодорожное собрание, впоследствии его показания позволили восстановить ход событий.

Посреди зала, где проводился вечер, был расположен "сервированный стол", вокруг которого и столпились в сильной тесноте все проникшие в зал. Сначала было

предпринято избрание председателя собрания. Разумеется, никакого голосования не было, да и не могло быть. Предпочтение отдавалось по силе поддержки активной части аудитории. Была предложена кандидатура либерального народника С.П. Швецова, но он не прошел, так как были голоса против. Потом выкрикнули одного из инициаторов собрания, А. А. Кийкова, но он отказался и предложил кандидатуру Г. Н. Потанина. Имя Григория Николаевича было встречено криками "ура!". 70-летнего ученого посадили на стул, а затем подняли на стол, вокруг которого и толпилось все собрание. Так почтенный седовласый и седобородый ученый оказался во главе собрания. Мы не знаем, оговаривалась ли предварительно возможность председательства с самим Потаниным, но очевидно, что людей его поколения, поколения "шестидесятников" XIX века, в зале практически не было. Очевидно и другое - председательство Г. Н. Потанина придавало легитимность всему этому противоречивому собранию в глазах его участников.

Можно вспомнить: когда незадолго до описываемых здесь событий Сибирский (Омский) кадетский корпус начал готовиться к своему 100-летию юбилею, то уже в подготовительных материалах об именитых выпускниках отмечалось, что имя Г. Н. Потанина-исследователя "приобрело всемирную известность, ауслуги, оказанные им науке, неисчислимы". Вот такого человека и "подняли на стол" в качестве председателя (а фактически как щит) организаторы собрания.

Видимо, это была колоритная картина: разноликое томское общество - от буржуазии до рабочих, от преподавателей с учеными знаками на груди до студенчества, много изящно одетых дам, - собравшееся вокруг стола, на котором возвышался над всеми патриарх сибирской общественной жизни. Поэтому уже в первом же донесении (13 января) "о противозаконном сборище в Томске" в Омскую судебную палату прокурор Томского окружного суда сделал уважительное примечание: "Считаю долгом донести, что упомянутый (в *показаниях Зыбина*. — С. С.) ... Потанин Григорий Николаевич - известный путешественник по Средней Азии и публицист, 70 лет...". Вот так Г. Н. Потанин в очередной раз попал в "политику".

Впрочем, политическая направленность вечера в момент избрания Потанина председателем еще никак не проявилась.

Г. Н. Потанин, поблагодарив собрание за избрание председателем, выступил с краткой речью. Содержания речи Потанина уже упомянутый выше Зыбин не расслышал из-за "невнятности говора", но указал, что "хорошо помнит", что председатель закончил выступление словами: "всякое право нам надо отстаивать силой", - вызвавшими шумные аплодисменты. По другим показаниям, Потанин поблагодарил собрание за то, что ему удалось говорить свободное слово, а в основном содержание его речи касалось разногласий в литературной работе: он говорил о малой связи между писателями и читателями, что "читатель почитывает, а писатель пописывает".

Позднее, на допросе, Потанин письменно изложил следующее: "Содержание моей речи: благодарю за избрание в председатели собрания, в котором должно раздаться свободное слово к моей родной Сибири. Наступил момент, когда русская публицистика получила [возможность] свободно говорить. После смерти Плеве совершился крутой поворот во внутренней политике, новый Министр дал нам свежего воздуха. Газеты заговорили свободнее, но газеты... недостаточно сильны, чтобы исполнить задачи завоевателя свободы слова; могущественнее для этого обставлены собрания, подобные

нашему. Итак, будем завоевывать свободу слова". Здесь же Г. Н. Потанин указывает, что фразу "всякое право мы должны отстаивать силой", не произносил, но сказал: "право не дают, а завоевывают".

В литературе имеется и иное изложение его вступительной речи. В частности, А. М. Сагалаев и В. Н. Крюков излагают речь Г. Н. Потанина так: "Иисус Христос сказал своим ученикам: "Выговорите шепотом, но наступит время, когда будете говорить с кровель...". Такое время наступило, и я приглашаю вас свободно, ничем не стесняясь, высказаться по поводу переживаемого момента, в связи с судьбами нашей Сибири. Я предвижу, что мы скоро услышим истинно свободный голос, открыто призывающий нас к великой борьбе за счастье родины". Однако, приведя данную версию речи Потанина, авторы не указали на ее источник.

Как же мы в целом можем расценить это публичное выступление Г. Н. Потанина? Само по себе оно не носило, разумеется, радикального антигосударственного характера. Почтенный сибирский деятель к этому времени фактически уже тридцать лет занимался литературой и наукой, а не нелегальной борьбой. Но следует признать, что, какой бы умеренной ни была речь Г. Н. Потанина, в ней ничего не было сказано ни про Татьянин день, ни про юбилей Московского университета - то есть о самих поводах к собранию.

И в этом не было ничего нового. Обычным делом в России начала XX века являлась ситуация, когда интеллигенция под формальным легальным предлогом собиралась с оппозиционными целями.

После выступления Г. Н. Потанина было предпринято избрание секретаря собрания. Очевидно, что ход такого рода собрания зависел не столько от председателя, сколько от секретарей, определявших кому и когда выступать. По мнению Потанина, вопрос о секретарях остался "в неопределенном положении". При этом сам Григорий Николаевич на допросе твердо заявил, что "лиц, указывавших очередь ораторов, назвать не желаю".

Ситуацию с секретарями собрания помогают прояснить сведения А. И. Зыбина. По его показаниям, активное участие в проведении вечера принимали и фактически были секретарями собрания, во-первых, А. А. Кийков (уклонившийся вначале от формальных председательских обязанностей), именно он "выкрикивал номера ораторов", и, во-вторых, "господин... армянского типа" (фамилии которого Зыбин не запомнил), успокаивавший собрание перед началом речей.

Принципиальное значение для проведения вечера имел, конечно, тот момент, каким образом предоставлять слово ораторам. Если ораторы стали бы выступать открыто, не скрывая своих имен, то это был бы один вечер, а если - анонимно, то совершенно другой. Организаторы собрания наверняка решили предварительно эти вопросы. Зыбин по этому поводу отмечает, что "собрание большинством голосов решило вызывать ораторов не по фамилиям, а по анонимным номерам". Очевидно, что такое решение автоматически превращало весь вечер в нелегальное собрание. По сведениям авторов истории Томска, А. А. Кийков (Кийко) являлся социал-демократом.

Первым оратором на вечере (по показаниям Зыбина) стал молодой человек, имевший бородку клином, одетый в черный сюртук, галстук и золотое пенсне. Из его речи Зыбин запомнил следующее: "Если мы согласны лишь на те уступки, которые теперь правительство готово сделать, то тем только будем кадить дому Романовых. Наша задача в ниспровержении монархии и достижении полной свободы народа... Наша

сила в плотной организации революционного союза, которую мы можем противопоставить... правительству". То есть уже в первом же анонимном выступлении на вечере прозвучал стандартный набор радикальных фраз: о недопустимости соглашений с правительством; о ниспровержении монархии; о необходимости революционной организации. Так вечер по поводу 150-летия Московского университета окончательно приобрел политическую направленность.

Мы не знаем, что думал в это время Г. Н. Потанин. Может, он вспомнил свои молодые годы, Петербургский университет, кружок сибиряков... А может, публицистическую деятельность в Иркутске... Кто знает! Григорий Николаевич не стал останавливать ораторов, хотя, конечно, прекрасно понимал антигосударственный, незаконный смысл таких речей. Почему же Г. Н. Потанин занял именно такую позицию? Возможно, повлияло общее оппозиционное настроение собрания, возможно, сыграло свою роль обычное для интеллигенции преувеличенное стремление к свободе слова. Сам Г. Н. Потанин потом пояснил эту двусмысленную ситуацию так: "Я... не сложил с себя звания председателя, надеясь, что собрание примет к концу легальный характер". Однако этого не произошло, да уже и не могло произойти. "Праздник просвещения" набирал свои радикальные обороты!

В воспоминаниях Ф. Виноградова есть данные о выступлении на "банкете-митинге" в числе первых читинского рабочего К. Кузнецова, который, напомнив аудитории о только что пролитой в Петербурге народной крови, "поздравил присутствующих с началом революции" и предложил почтить память погибших вставанием. Следует отметить, что сведений об этом выступлении К. Кузнецова в следственном деле Омской судебной палаты нет, и если исходить из материалов расследования, то факт расстрела народной демонстрации в Петербурге ораторами 12 января на томском "банкете-митинге" никак не обсуждался.

Вторым оратором стал молодой худощавый человек, блондин с небольшой бородкой. Он указал на сложность положения правительства и что в этой ситуации "нужно воспользоваться настоящим благоприятным моментом..." и добиваться следующего: 1) "всеобщей уличной демонстрации в Томске"; 2) "восстания по всей линии Сибирской железной дороги"; 3) "образования Сибирского революционного отдела...". Вот такие призывы бросала в томское просвещенное общество радикальная молодежь! Выступавший Н. Н. Баранский являлся членом комитета Сибирского союза социал-демократов.

Надо признать, что придумать более радикально-революционную региональную программу уже практически невозможно. Позволим себе также напомнить, что Россия в тот момент, когда в Томском железнодорожном собрании призывали к восстанию "по всей линии Сибирской железной дороги" и к насильственному ниспровержению государственной власти, вела, как известно, тяжелую войну с Японией и что военные действия шли в непосредственной близости от Сибири. Вольно или невольно, но ситуация того времени проецируется на новейшую российскую ситуацию. И тогда, на наш взгляд, вся абсурдность и сюрреалистичность настроений "прогрессивного" вечера 12 января 1905 года "в честь 150-летия Московского университета" проявляется особенно наглядно.

Следующим оратором в собрании стал молодой человек лет двадцати, "назвавший себя фабричным рабочим". Взобравшись на подоконник, он начал свою речь так: "С

момента как раздался выстрел около Варшавского вокзала (*то есть с тех пор, когда социалистами-революционерами был убит министр внутренних дел России В. К. Плеве* - С. С), на нас повеяло новой весной". Далее он призвал к объединению всех революционных сил в борьбе за свободу.

Пятым оратором был "человек малого роста... горбоносый, с всклокоченными черными волосами". Он стал настаивать на том, что следует "своевременно требовать от правительства "Maximum" прав для народа". По мнению Зыбина, "речь его носила характер подготовленности" и "вызвала оживленные дебаты среди присутствующих". Одни соглашались с максимумом, а другие полагали возможным и минимум — "с теми уступками, которые может дать правительство", при этом "достижение Minluma должно... послужить той благоприятной почвой, на которой впоследствии они могут добиться всех... прав". Мы видим, что в Томском железнодорожном собрании произносились не только радикальные призывы, но обсуждались и весьма актуальные для радикалов того времени проблемы максимума и минимума требований и целей. Следом выступал другой фабричный рабочий, но говорил он нескладно, и вскоре речь его была "прервана смехом слушателей".

Потом вдруг вновь стал выступать тот же молодой человек, который уже выдвинул три радикальных задачи. Он вновь вернулся к теме убийства В. К. Плеве социалистами-революционерами, приговоренными судом к смертной казни, выразил сочувствие "павшим в борьбе за народ героям - Балмашеву, Созонову и Сикорскому" и призвал собрание "прийти к каким-либо практическим выводам". Неожиданно его речь была прервана возгласом некой блондинки: "Довольно, Баранский!". Тотчас поднялся шум, "стали кричать, что название по фамилии ораторов есть провокаторство", и требовать "вывести из зала нарушительницу". Пришлось вмешаться Г. Н. Потанину, который постарался уладить этот инцидент, сказав, что произнесение фамилии "было вызвано каким-либо недоразумением". После этого "девица... извинилась перед Баранским, за то, что назвала его по имени...". "Реверанс" эсдека Н. Н. Баранского в сторону эсеров, как указывает М. В. Шиловский, подтверждает присутствие на "банкете" не только социал-демократов, но и социалистов-революционеров.

Во время выступлений ораторов по рукам в зале ходила студенческая фуражка, в которую была вложена бумажка с откровенной надписью: "На борьбу, на побеги и на помощь ссыльным". А. И. Зыбин указывает, что в эту фуражку "многие клали деньги".

Затем Г. Н. Потанин, как председатель, не называя фамилии, предложил вотировать тезисы, выдвинутые Н. Н. Баранским. Произошли шумные дебаты, после чего "Потанин предложил кому-нибудь... резюмировать предложенный вопрос". Как отмечает Зыбин, это было исполнено первым оратором в золотых очках. Его длинная речь была закончена "выражением полной солидарности с тезисами, предложенными Баранским", и "поддержана шумными аплодисментами и выражением общего одобрения и согласия". После этого Г. Н. Потанин объявил перерыв.

Далее действие обратно переместилось на подоконники собрания, где один человек (похожий, по мнению Зыбина, на фотокарточку В. В. Климентовского) стал настаивать "на употреблении собранных за проданные входные билеты денег на борьбу с правительством". Другой же стоявший на подоконнике, "с виду приказчик", "предложил пропеть "Марсельезу", сам начал петь и был "поддержан группой стоявших около него студентов". Зыбин в своих показаниях пишет, что запомнил слова припева:

"Вставай, подымайся, рабочий народ...". Далее, указывает Зыбин, "к певшим постепенно присоединилась большая часть публики, которая с пением двинулась к буфету".

Но на этом "праздник просвещения" не закончился. Во время перемещения публики к буфету "какой-то студент-технолог... малого роста... крикнул, указывая на портрет государя Императора *[находившийся в зале Томского железнодорожного собрания. — С. С):* "Долой этот портрет, убрать его или перевернуть к стене". Часть публики направилась было к портрету, но тронуть его так и не решилась. Также во время перерыва в публику "из угла, где стояли студенты и рабочие, стали бросать прокламации". Возможно, что радикальная эйфория свободы, охватившая в этот вечер публику, могла бы дать еще некоторые скороспелые плоды, но здесь вмешался Г. Н. Потанин, в глубине души, наверное, не желавший такого беспредельного развития событий.

Войдя в зал, Потанин объявил, что так как собрание пришло уже к определенному решению, он находит дальнейшее обсуждение излишним и объявляет заседание закрытым. Собрание, как отмечает Зыбин, со своей стороны, по предложению секретаря "армянского типа", выразило Г. Н. Потанину благодарность за хорошее проведение собрания. После этого большая часть публики ушла, а "оставшиеся в количестве 150 человек стали ужинать ... и около часа ночи все разошлись...".

После ухода публики на полу в зале Томского железнодорожного собрания как материальное подтверждение сюрреалистического празднования "Татьянина дня", где так и не было сказано ни одного слова в честь 150-летия Московского университета, было обнаружено свыше ста брошенных прокламаций радикально-революционного содержания. "Праздник просвещения" завершился.

На следующий день, 13 января 1905 года, прокурор Томского окружного суда подписал уведомление № 1 о производстве дознания по делу "О скопище противоправительственного характера". Началось следствие.

Чрезвычайно интересно обратиться к содержанию радикальных прокламаций, распространенных на вечере. К чему же призывали раздаваемые на вечере листовки?

Первая прокламация называлась "Еще шаг". Она была издана от лица Российской социал-демократической рабочей партии: "... Русская жизнь вступает на порог революционного развития. Предвестники революции... уже носятся в застоявшемся воздухе русской жизни. Это - многочисленные голоса либеральных собственников... и газетных болтунов... Они волнуются... стараясь предотвратить приближающуюся грозу. Гроза- это народное восстание..." Листовка утверждает: "Нет, товарищи. - только рабочий класс останется верен народной свободе... Еще шаг, - и народная беднота... массой поднимется на борьбу, и сонная русская жизнь сменится бурным потоком всенародной революции. К ней, к этой спасительной революции и должны мы стремиться!... Еще шаг, товарищи! - И восстание или революция положат конец проклятой монархии.

Однако, по мнению закулисных авторов этой прокламации, "политическая свобода еще не избавит от эксплуатации", республика "даст рабочему классу только право бороться... готовиться к решительному нападению на буржуазный строй" - "счастливым" сделает народ "только социализм". И "эта конечная цель... должна, как солнце, освещать каждый шаг великой борьбы. ... Вот почему социал-демократия

говорит вам: не верьте буржуазным болтунам, этим изменникам народной свободы...". Как указывается в данной листовке (распространенной, напомним, на прогрессивном либеральном вечере!), с либеральной буржуазией "можно идти рядом вплоть до уничтожения самодержавия". А "далее - наши дороги расходятся. Из союзников мы превращаемся во врагов". Ну и, разумеется, итоговый призыв: "Еще шаг, товарищи! И да здравствует революция, разрушающая монархию..!".

Как анализировать эту прокламацию, как ее оценивать? Ведь, наполненная ненавистью к монархии, к российскому государству, она открыто была направлена и против той самой либеральной интеллигенции и либеральной буржуазии, которая собралась в железнодорожном собрании. С какими же чувствами должны были читать ее прогрессивные профессора, доценты, предприниматели, адвокаты и журналисты-завтрашние "враги" радикалов? Неужели смертельный холодок не бежал у них по спине? Или все социальные страхи перевешивало общее либерал-радикальное стремление свергнуть "проклятую монархию"? Или уверенность, что в итоге победят непременно либералы? Кто ответит на эти вопросы...

Вторая листовка под названием "О борьбе против монархии (как следует бороться рабочим)" логически продолжала и дополняла первую. В ней разъясняется: "Кто выставляет демократическую республику... тот должен быть готов к революционному (к насильственному) нападению на царское самодержавие, так как Учредительного Собрания, избранного всем народом, царское правительство не даст никогда... Только тогда, когда рабочий класс и народная беднота смело восстанут против самодержавия и до основания разрушат царскую монархию, только тогда может быть создано такое Учредительное Собрание, которое выработает законы для народа...".

Если бы не контекст конкретного дела, по этой листовке трудно было бы определить время. Читая эту нелегальную листовку "Сибирского союза-комитета" социал-демократов, по сути, начинаешь утрачивать чувство реальной истории. Во всем здесь присутствует воинственный дух и атакующая стилистика 1917 года. Но ведь до него еще долгих двенадцать лет!

И самое главное, на наш взгляд, - в этой подпольной прокламации также не обошлось без выяснения отношений с либерально-прогрессивным сообществом. "Тот, кто будет говорить о мирном пути к народной свободе, тот будет просто или болтун или обманщик .... Поэтому те земцы, те доктора, те адвокаты, те профессора, которые... не хотят быть обманщиками... - должны быть всегда готовы, рядом с рабочим классом, выступить на путь революции".

Вот так все предельно просто было для сибирских социал-демократов даже еще накануне тех событий, которые стали известны как революция 1905 года. И опять же: с какими чувствами читали эту листовку "те земцы, те доктора, те адвокаты, те профессора", которые пришли поговорить о юбилее Московского университета? Легко заметить, что в этой листовке акценты по отношению к либералам несколько иные. Если в прокламации "Еще шаг" о либералах говорится как о неизбежных будущих врагах, то здесь им дается как бы шанс - если либералы выступят вместе, "рядом" с рабочим классом "на путь революции". Итоговый призыв в этой листовке, надо понимать, адресован также ко всем, и к рабочим, и к "сознательным" либералам: "Готовьтесь к восстанию, к народной революции!".

Трудно сказать, насколько заранее просчитывали последствия "вечера" в Томском

железнодорожном собрании его организаторы. Возможно, ими действительно изначально планировался умеренный либеральный вечер, который только в силу настроения определенной, наиболее активной части участников приобрел радикальный характер. Но возможно и другое - что организаторы с самого начала вели двойную игру и абсолютно сознательно пошли на радикализацию вечера. Однако всерьез полагать, что проводить такие антиправительственные вечера в военное время можно беспрепятственно, вряд ли можно считать разумным.

В любом случае организаторы собрания и его активные участники должны были задумываться над собственной правовой ответственностью в этом публичном мероприятии. Но на увлеченную публику словно нашло затмение и, можно сказать, что 12 января 1905 года в Томском железнодорожном собрании местные либералы буквально политически "побратались" с радикалами.

В реальности данное собрание могло послужить только одной цели - дальнейшей эскалации в регионе общественных настроений. Причем активизации не просто умеренных либеральных воззрений, но именно эскалации общественного радикализма через посредство соединения радикально-революционных настроений с либеральными. Томские либералы на этом вечере "пощекотали" себе политические нервы, получили желаемые острые ощущения. Радикалы занимались привычным агитационным, пропагандистским делом. Ну а студенты, видимо, просто охмелели от этого глотка "свободы".

Возможно, что реакция властей могла бы быть и несколько иной. Но тот факт, что вечер сопровождался распространением антигосударственных листовок, требовал соответствующего ответа. Представим себе реакцию полицейских чинов, когда на утро они обнаружили в зале собрания множество воинственных прокламаций. Организаторы, отправляясь на ужин, даже не подумали их собрать с пола! Такого рода поведение может быть, на наш взгляд, либо в случае человеческой глупости, либо в случае неадекватной самоуверенности и эйфории, либо в случае провокации. И быть может, вечером 12 января 1905 года в Томском железнодорожном собрании имели место в совокупности все эти факторы.

Совершенно очевидно, что такого рода публичное мероприятие не могло (и не должно!) было пройти незамеченным со стороны государственных региональных властей.

Как же отреагировала региональная власть на этот странный "вечер", где в политическом экстазе буквально сплелись либералы и радикалы? От ответа на этот вопрос во многом зависит оценка силы и слабости самой власти, понимание того, насколько адекватно власть оценивала внутренние политические угрозы, их ближние и дальние последствия.

Вести дознание по этому делу прокурор Томского окружного суда поручил ротмистру Леонтовичу. И первым им был допрошен, как уже отмечалось, крестьянский начальник А. И. Зыбин, что позволило следствию начать установление главных действующих лиц вечера. Следует отметить, что уже сам ход дознания стал не просто внутрирегиональным делом копии всех донесений, которые по этому делу посылались - из Томска прокурору Омской судебной палаты, также обязательно отправлялись и в Петербург, министру юстиции (о чем имеются соответствующие примечания в конце каждого официального донесения).

По делу о вечере в Томском железнодорожном собрании были привлечены следующие лица: Г. Н. Потанин, А. А. Кийков, Н. Ф. Бундюков, Н. К. Колобов, В. В. Климентовский, И. П. Рута, Г. Н. Минский, А. А. Малхасов, Н. Н. Баранский. Мерой пресечения для них первоначально было определено нахождение под стражей. Что же это были за люди? Каков был их статус, возраст, этническая принадлежность, образовательный уровень? Статистические листки на данных лиц, сохранившиеся в деле, позволяют рассмотреть как бы обобщенный социальный портрет либерально-радикального активиста того времени.

Как показало следствие, "господином армянского типа", регулировавшим собрание, оказался Никанор Федорович Бундюков, русский, 34 лет, по званию - надворный советник, штатный доцент Томского технологического института. Сам он отказался признать себя "секретарем" вечера и в показаниях указал, что попал на вечер по пригласительному билету и "случайно оказался вблизи Потанина, на другой стороне стола", так как в давке его "сильно прижали к столу". Сразу после ареста Н. Ф. Бундюков пишет на имя прокурора Омской судебной палаты прошение об изменении меры пресечения в виду "плохого здоровья", что ему "требуется постоянный особый метод лечения", и потому он просит "дать возможность восстановить... здоровье". Интересно то, что ротмистр Леонтович принял во внимание ходатайство Бундюкова и перевел его из арестантского отдела под домашний арест.

Такое же прошение со ссылкой на болезни было написано и А. А. Кийковым - другим "секретарем" собрания. На наш взгляд, он действительно является одним из реальных организаторов вечера 12 января. Недаром он в самом начале собрания отказался от председательства в пользу Г. Н. Потанина, чтобы сохранить за собой реальное влияние на ход вечера через контроль очередности ораторов. А. А. Кийкову исполнился 31 год, он окончил Томский университет в 1898 году, по роду занятий был адвокатом и одновременно - нелегально - членом социал-демократической партии. Власти также освободили его из-под стражи и отправили под надзор полиции по месту жительства.

Прошение на имя прокурора Омской судебной палаты написал и Г. Н. Потанин. Следует отметить, что он среди других привлеченных к дознанию выглядел как "белая ворона" и никак не вписывался в общую картину допрашиваемых, которым было от 20 до 36 лет. Потанина допросили только через две недели после собрания, 27 января. После допроса он был оставлен в Томском исправительном арестантском отделе. И там на следующий день Потанин пишет это прошение: "Привлекая меня к ответственности по делу о вечере 12 января... ко мне применили высшую меру пресечения преступлений. Лично я нахожу, что было бы справедливее сообразно с действительной мерой моей вины и гуманнее по отношению к человеку, силы которого израсходованы на неоднократные путешествия, применить ко мне меньшую меру пресечения, о чем я прошу Вас, г. Прокурор".

Как видно, Г. Н. Потанин не отрицает своей определенной вины. Но вся случайность и даже абсурдность его участия в этом радикально-либеральном вечере, на наш взгляд, явно проглядывает в этом прошении. Ему ли, ученому с всероссийским именем, участвовать в таких собраниях! Тем более, когда за его спину буквально спрятались истинные организаторы "праздника просвещения"! Ему ли, лично пережившему брожение петербургского студенчества конца 50-х - начала 60-х годов,

слушать радикальные призывы студентов в 1905 году! Думается, что и сам Г. Н. Потанин, оказавшись в арестантском отделе, вполне понял абсурдность ситуации, в которую он попал. Но что он теперь мог сделать! И вот он пишет в прошении: "Если в таком случае окажется допустимым поручительство, то я надеюсь получить поручительство члена Государственного Совета Петра Петровича Семенова, вице-президента Императорского Русского Географического Общества". Ну какой еще арестант в Сибири мог быть так уверен в поручительстве за себя со стороны члена Государственного Совета, выдающегося ученого и государственного деятеля!

Примечательно и то, как Г. Н. Потанин в протоколе допроса по пунктам характеризует свою жизнь: 1) Происхождение: казак Сибирского казачьего войска; 2) Народность: русская; 3) Звание: отставной сотник; 4) Занятия: литература и наука; 5) Место воспитания: "окончил курс в Сибирском кадетском корпусе в 1852 году. В 1859 году был вольнослушателем в Петербургском университете, но оставил его, не окончив курса"; 6) Причина неокончания курса: "оставил университет по причине участия в движении студентов в 1862 году"; 7) Был ли за границей: в Китайской империи в 1876-1879, 1884-1886 годах и 1891 году - вернулся из Китая через Марсель и Париж; 8) Привлекался ли ранее к дознанию или следствию: "был судим по Сибирскому делу, присужден к каторжным работам и пробыл в крепости Свеаборг три года, затем на поселении в Вологодской губернии два года и прощен". Все кратко и ясно: был на каторге и поселении, но прощен. Кстати, ведь тогда, в 70-е годы о его прощении хлопотал тот же П. П. Семенов! И вот теперь, через сорок лет после "Сибирского дела", в год своего 70-летия Г. Н. Потанин вновь оказался под арестом, стал политическим заключенным. Можно было бы сказать: ирония судьбы, - если бы это касалось не известного ученого, путешественника и литератора, а кого-то другого...

Отметим, что арест Г. Н. Потанина, как председателя либерально-радикального вечера, происходит уже после того осложнения положения в стране, которое последовало за событиями 9 января в Петербурге. Как же власть должна была реагировать теперь на такие уголовно наказуемые политические (радикально-либеральные) выступления в регионах? Казалось, что будут "закручиваться гайки". Однако на практике решалось по-разному. В случае с Г. Н. Потаниным ситуацию в полиции поняли, и в итоге ведущий следствие ротмистр Леонтович 8 февраля решил своим постановлением так: "... Принимая во внимание, что обстоятельства дела в отношении Григория Николаевича Потанина... приведены в достаточную ясность" и что ему "угрожает наказание, не соединенное с поражением в правах", — поэтому "мера пресечения - безусловное содержание под стражей-может быть заменена мерою, не соединенною с лишением свободы". Исходя из этого, следователь постановил: Г. Н. Потанина "из-под стражи освободить с отдачею... под особый надзор полиции по месту жительства в г. Томске". Такое освобождение Г.Н. Потанина из-под стражи было, безусловно, гуманным и либеральным решением. К тому же, оно было принято не какими-то вышестоящими инстанциями, а лично следователем Леонтовичем и уже потом доведено до сведения Омской судебной палаты и министра юстиции (что свидетельствует о существенной самостоятельности должностных лиц, ведущих дознание).

К дознанию был также привлечен Иван Прокофьевич Рута, 26 лет, малоросс, крестьянского сословия, работающий техником в управлении службы пути Сибирской железной дороги (окончил техническое училище). Как показало следствие, именно И. П. Рута во время перерыва вместе с другими лицами пел песни революционного содержания — "Марсельеза", "Дубинушка", "Машинушка" — и "управлял этим пением". Мерой пресечения ему был определен не арест, а особый надзор полиции.

Одним из тех, кто 12 января в Томском железнодорожном собрании говорил речи радикального содержания, оказался частный поверенный (адвокат) Николай Константинович Колобов, 26 лет, уроженец Тары, в 1896 году окончивший Омский кадетский корпус. Он пробыл под стражей почти три месяца, был освобожден под надзор 14 апреля 1905 года при поручительстве в 2 тыс. рублей. В принципе, учитывая политический характер дела, данную поручительскую сумму никак нельзя назвать большой.

Наибольшую активность и степень радикализма при произнесении речей проявило молодое поколение: В. В. Климентовский, Г. Н. Минский, А. А. Малхасов и Н. Н. Баранский.

Так, Владимир Васильевич Климентовский, 23 лет, русский, оказался выходцем из семьи священника (наблюдателя церковно-приходских школ), окончил Рязанскую духовную семинарию (1890-1894) и являлся студентом Томского университета. Он не только произнес радикальную речь, но во время перерыва агитировал, чтобы деньги, собранные за входные билеты, употребить "на борьбу с правительством".

Студентом Томского университета оказался и Григорий Наумович Минский, 20 лет, сын домовладельца, еврей, выпускник Омской гимназии. Вероятно, ему принадлежала на вечере мысль (так и нереализованная) убрать портрет императора Николая II из зала железнодорожного собрания. Как установило следствие, студент Г. Н. Минский на вечере "раздавал окружающим прокламации под названием "Еще шаг", призывающие к низложению существующего строя, каковые вынимал из внутреннего кармана тужурки". На допросе Минский все отрицал, в том числе и само свое присутствие 12 января в железнодорожном собрании, однако, как сказано в материалах следствия, "где именно он тогда находился, указать не мог". Первоначально мерой пресечения для него было определено пребывание под стражей. Но он был освобожден из-под стражи 4 апреля под родительское поручительство в 5 тыс. рублей.

Также студентом, но уже Томского технологического института, являлся и Александр Акопович Малхасов, 20 лет, сынмещанина, армянин. 28 января он был заключен под стражу, но уже 29 января освобожден при подписке о неотлучке.

Что касается личности основного радикального оратора Николая Баранского, имя которого было "рассекречено" еще на самом вечере, то он оказался "бывшим студентом", сыном статского советника. Каких-то иных сведений в деле о нем не содержится - допросить его так и не удалось, потому что он сразу же сбежал из Томска и был объявлен в розыск.

Состав участников, привлеченных по делу 12 января, свидетельствует, что социальный облик сибирских либерал-радикалов принципиально не отличался от аналогичных столичных типов. Быть может, в Сибири меньшее значение имела политическая дифференциация противников режима по степени радикализма. А также, учитывая характер Томска как университетского города, несколько большую роль в

местной политической жизни (чем в среднем по Сибири и по России) играло студенчество. В целом, томские либерал-радикалы, как показал день 12 января, хорошо чувствовали свое общее политическое родство и находили между собой общий язык. Впрочем, последнее, на наш взгляд, было характерно и для аналогичных либерал-радикальных мероприятий в Центральной России.

По мнению А. М. Сагалаева и В. Н. Крюкова, суть дела 12 января в том, что "социал-демократы и эсеры решили использовать вечер для политического выступления", а "многочисленные студенты, рабочие, явившиеся в зал, превратили банкет в митинг". Предпринятый нами анализ содержания и хода "прогрессивного вечера" - "банкета-митинга" - заставляет видеть в событии 12 января 1905 года в Томске не просто некий случайный политический эксромт. Рассматривая данное событие в целом, нельзя не прийти к выводу, что это мероприятие не просто стихийно отклонилось от объявленной культурно-просветительской повестки дня. На наш взгляд, здесь имел место определенный, заранее составленный план, в котором умеренно-либеральная форма общественного собрания сочеталась с радикально-революционным содержанием. Повод "Татьянина дня" и юбилея Московского университета использовался как легальное прикрытие для получения разрешения на проведение нелегального по своему содержанию вечера.

Во всем произошедшем поражает то, с какой легкостью просвещенное томское общество участвовало в этом либерально-радикальном "банкете-митинге". Конечно, вполне вероятно, что определенная доля публики была организаторами просто обманута. Но в отношении просвещенной интеллигенции, уровня университетских профессоров и лиц с высшим образованием - при должностях, участвовавших в вечере, возникает впечатление двусмысленной игры. Образованные и солидные люди не могли не предвидеть противогосударственный характер данного мероприятия. Однако приняли в нем участие. Предварительный ажиотаж вокруг этого мероприятия, сам его нарастающий ход, восторженное внимание радикальным речам студентов и адвокатов, политические песни и прокламации, наконец, спокойный ужин после завершения политической вакханалии - все это заставляет еще раз задуматься о той интеллектуальной и духовной атмосфере, в которой жила интеллигенция в начале XX века.

Играя в политику, склоняясь все более к словесному радикализму, образованный слой российского общества постепенно утрачивал здоровый государственный инстинкт самосохранения. Часть российской интеллигенции ("веховской" ориентации) осмыслит эту опасность уже в 1908-1910 годах. Большинство же образованного класса поймет все только потом, в 1918-1920 годах, или даже позже, в эмиграции, когда переиграть уже ничего будет нельзя. Поймет все это и сам Г. Н. Потанин, так много сил отдавший борьбе за свободу. События последних лет жизни позволили ему еще раз многое переосмыслить.

В личном архиве Г. Е. Катанаева сохранилась вырезка газетной статьи Г. Н. Потанина под весьма интересным заголовком "Республика толстокожих". Датирована эта статья 24 февраля (год не указан). Полагаем, что это одна из томских газет за 1920 год, так как в данной статье идет речь о большевиках как уже о победившей новой власти. Как известно из истории XX века, именно социал-демократы большевистского толка реализовали ту самую программу-максимум, о которой доходчиво было

разъяснено томской публике в одной из речей 12 января 1905 года.

Г. Н. Потанин пишет свою статью в жанре фельетона, но в то же время на предельно серьезную тему. Он публицистически обрисовывает свою жизнь до и после большевиков. Потанин отмечает, "... мирно и счастливо проходила моя жизнь на земле. И вдруг надо мной разразилась катастрофа". Вдруг к нему домой пришли большевик в штатском и вооруженные люди. И вот большевик "... снял со стен буржуев Пушкина и Толстого и на их место повесил бессеребренников Нахамкеса, Троцкого и Ленина". Но этим дело не ограничилось. Большевик, пишет Г. Н. Потанин, "так расходился, наводя реформы в моей жизни, что я, наконец, подумал, что он сейчас разнимет мой череп, выбросит мой мозг на улицу и натолкнет вместо него интернациональной соломы". Отношение самого Г. Н. Потанина к новой власти в рассматриваемой статье достаточно прозрачно. То, как в России первых десятилетий XX века разворачивался либерально-радикальный вал, Г. Н. Потанину не надо было объяснять - все это происходило на его глазах. Он даже мог бы вспомнить либерально-радикальные тенденции 60-70-х годов XIX века!

Очевидно, что на закате жизни для думающего человека естественным является осмысление и переосмысление всего жизненного пути. Вполне вероятно, что Г. Н. Потанин также не избежал этого переосмысления. Ведь этому способствовали сами реалии конца 10-х и начала 20-х годов XX века. И вот много видевший ученый и общественный деятель своей статьей "Республика толстокожих" ставит проблему соотношения благих целей и преступных средств. Г. Н. Потанин задается риторическим вопросом: "Нельзя не задуматься... почему благие цели, к которым стремится передовое человечество, затмевают умы политических деятелей и заставляют их совершать преступления во имя благих целей". Действительно, после 1917 года над этим нельзя было не задуматься... Но правда заключалась в том, что это был вопрос не только к радикалам, но и к либералам; не только к активистам баррикад, но и к организаторам просветительских вечеров; не только к 1917 году, но и к 1905 году; не только к скрывшемуся от следствия недоучившемуся студенту Н. Н. Баранскому, но и к никуда не прятавшемуся председателю собрания 12 января 1905 года Г. Н. Потанину.

Так в конце своей жизни Г. Н. Потанин признал то, что, быть может, еще не до конца осознавал в год своего 70-летнего юбилея. Но разве многие в 1905 году могли предвидеть реальные черты 1920 года - черты победившей "республики толстокожих"? Вспомним, ведь даже в адресе Западно-Сибирского отдела ИРГО, в связи с 70-летием Г. Н. Потанина, ученые региона надеются, что проблемы, возникшие в его жизни после 12 января 1905 года, рассеются "перед занимающейся зарей на нашей родине". Кто думал тогда, что новая "заря" будет такой красной...

Дело прокурора Омской судебной палаты о либерально-радикальном собрании 12 января в Томске было закончено 18 ноября 1905 года. Лица, привлеченные к дознанию, провели под арестом от одного дня до трех месяцев. Во всяком случае, сам Г. Н. Потанин, как отмечает в воспоминаниях И. И. Попов, уже в ноябре 1905 года "был делегирован в Москву на ноябрьский земско-городской съезд, где вместе с другими... поднял вопрос о федеративном строительстве России".

Можно предположить, что, несмотря на те драматические события, которые в 1905 году разворачивались в России и, в частности, в Сибири, региональные власти не стали ужесточать свои подходы к политическим обвиняемым такого рода. Но мы не можем

однозначно сказать: было ли такое "либеральное" отношение к противникам режима показателем силы и правоты власти или проявлением ее перманентной внутренней слабости и неуверенности.

Итак, в данной статье нами рассмотрен один день из жизни Г. Н. Потанина и в тоже время один эпизод из общественной жизни начала XX века. Насколько же было характерно или исключительно это событие в контексте общественной жизни Сибири и России в целом?

Больше оснований определять "банкет-митинг" в Томске 12 января 1905 года и все что за ним последовало не как исключение, а как достаточно распространенное явление для городов, имеющих высшие учебные заведения. Характеризуя данное явление, надо иметь в виду не только региональный, но и общероссийский контекст. Своеобразная "банкетная кампания" конца 1904 - начала 1905 годов прошла по 34 крупным городам России - произошло более 120 банкетов и собраний.

Истоки "банкетной кампании" восходят к планам "Союза освобождения" - нелегальной либеральной организации, из которой впоследствии выросла партия конституционалистов-демократов. Как указывает К. Ф. Шацилло, 8 октября 1904 года на заседании Совета "Союза освобождения" "был решен вопрос о сроке начала банкетной кампании". Эта оппозиционная кампания, полагали либералы, должна была начаться после земского съезда, запланированного на начало ноября 1904 года. Данное решение было окончательно закреплено на втором съезде "Союза освобождения" (20-22 октября 1904 года). Непосредственным поводом для банкетной кампании был определен юбилей судебных уставов - 20 ноября 1904 года исполнялось 40 лет их введения в России. И в этот день во многих российских городах прошли либеральные "банкеты". Так началась легальная оппозиционная кампания, продолжавшаяся вплоть до января 1905 года. Конечно, все эти банкеты были не одинаковые по своей политической "температуре". Но все же тенденция - от умеренности к радикализму была - характерна, в той или иной степени, для большинства оппозиционных банкетов. При этом вне Петербурга и Москвы либеральный голос звучал слабее, а "революционно-демократический" - сильнее.

Ход банкета в Томске подтверждает данное наблюдение: дифференциация либералов и радикалов в регионах была существенно меньшей, нежели в столицах. Но, думается, она и в столицах была не абсолютной. Как известно, стратегия тесного взаимодействия либералов и радикалов была определена еще в конце сентября - начале октября 1904 года на Парижском съезде всех оппозиционных политических сил. Общий настрой российских "либерал-радикалов" сконцентрировался в уличном лозунге "Долой самодержавие". Если этот лозунг на банкетах не всегда произносился, то всегда подразумевался.

К. Ф. Шацилло ввел в оборот аналитический документ департамента полиции (начало января 1905 года), один из разделов которого так и называется: "Связь между движением революционным и общественным". В частности, по мнению полиции, банкеты "с очевидностью выяснили, что значительная часть представителей общественного движения преследует, по существу, те же цели, которые входят в качестве политических требований в программы революционных партий. Общественное движение пошло рука об руку и открыто с движением революционным, поддерживая и подкрепляя одно другое".

Так, полиция выявила связь между либералами и радикалами, связь, которую обе стороны в последующем (в XX веке) практически никогда не признавали. В конце 1904 года прямое влияние банкетной кампании либералов проявилось в подготовке соответствующей петиции от рабочих. К. Ф. Шаццло приводит общее мнение гапоновской организации: "Если рабочим подавать свой голос, то чтобы услышало его не одно правительство, а вся Россия... Умирать - так устроить с музыкой". Отличие здесь одно: либералы оппонировали власти в ресторанах и собраниях, а рабочие вышли на улицу.

Банкетная кампания 1904 года не закончилась мероприятиями в честь 40-летия судебных уставов. В декабре среди российских либералов распространилось мнение, что банкеты следует проводить по профессиональному признаку и использовать их для создания профессиональных союзов, в том числе и академических. И вот, либеральная газета "Наши дни" 22 декабря 1904 года опубликовала статью в поддержку "профессорского съезда", подписанную крупными учеными - И. П. Павловым, Е. Д. Зелинским, Н. И. Кареевым, М. И. Гревсом и другими. В этой статье предлагалось 12 января, в день 150-летия Московского университета, во всех городах созвать банкеты профессуры, на которых обсудить нужды образования и науки.

Такова была легальная общероссийская "академическая" подоплека банкетов, назначенных на 12 января. Очевидно, что сценаристы банкета в Томске изначально отклонились от повестки дня, предполагаемой либералами и учеными в Петербурге. Конечно, общественная и научная ситуация в Томске весьма отличалась от ситуации в столице. И в итоге в Томске произошел не умеренный профессорский банкет, а открытое либерал-радикальное собрание, на котором тон задавали, как было показано, отнюдь не умеренные силы. Для, так сказать, стандартного регионального банкета такой поворот не являлся чем-то неожиданным, скорее, это было нормой.

Общественное мероприятие в Томском железнодорожном собрании заставляет еще раз задуматься: настолько ли непримиримо были настроены в отношении друг друга умеренно-либеральное и радикально-революционное течения общественной жизни России начала XX века, как это зачастую пытались представить в печатной полемике сами идеологи либерализма и радикализма и их последующие политические и научные интерпретаторы? Формально цели либералов и радикалов были, как известно, различны. А как обстояло дело на практике? Могли ли в реальной общественно-политической деятельности уживаться либералы и радикалы? Как показывает общественно-политическое собрание 12 января 1905 года в Томске, либералы и радикалы не только могли "уживаться" рядом друг с другом, но и проводить совместные либерально-радикальные мероприятия. При этом, конечно, и либералы, и радикалы, стремились играть свою игру, мечтая непременно обыграть всех соперников в борьбе за власть. Но, на наш взгляд, несмотря на программные различия и печатную полемику, тактической непримиримости и политической несовместимости между либералами и радикалами в начале XX века не существовало. Думается, что такая ситуация была особенно характерна для российских регионов.

Безусловно, прав М. В. Шиловский, рассматривающий события банкетной кампании в контексте тактики "левого блока". По сути, если конкретизировать этот тезис, речь здесь должна идти о "либерально-радикальном" оппозиционном блоке с участием представителей различных нелегальных партий и движений. Конечно, сегодня

весьма трудно однозначно определить: кто в этом оппозиционном блоке был ведущей силой, а кто ведомой; и кто кого лучше "использовал" в сложившейся ситуации. На практике, в деятельности противогосударственных сил все было перемешано, и размотать этот политический клубок весьма сложно.

Однако необходимо подчеркнуть, что интеллектуальные либералы в России начала XX века никогда не могли поверить, что они могут проиграть итоговую партию борьбы за власть радикалам. А революционные радикалы, со своей стороны, также были уверены в конечной победе. И вот эта взаимная уверенность "либералов" и "радикалов" в собственной победе многократно усиливала общие позиции противников государственной власти. Возможно, именно эта особенность, именно принципиальная (или беспринципная?) общественно-политическая совместимость либеральных и радикальных сил стала одной из причин ускоренного, катастрофического развития событий в 1917-1918 годах как в центре, так и в регионах.

Наконец, рассматривая "либерал-радикальные" мероприятия рубежа 1904-1905 годов, нельзя не задаться вопросом об их оценке. Какую правовую и политическую оценку сегодня, в начале XXI века, историки должны давать тем минувшим (и, казалось бы, весьма локальным) событиям? Думается, что это не абстрактный морализаторский вопрос. От ответа на него (с положительным или отрицательным знаком) в значительной мере зависит наше понимание смысла истории XIX и XX веков.

Что касается самого Г. Н. Потанина, то ученые Западно-Сибирского отдела ИРГО уже после рассмотренных в данной статье событий отмечали: "Много перенесли Вы, Григорий Николаевич, испытали, пережили за более чем полувековую свою деятельность на ответственном посту служения науке и обществу, но Ваша энергия и сила духа не ослабели, и Западно-Сибирский отдел счастлив видеть Вас... все тем же неутомимым тружеником науки и достойным гражданином".

Шла осень 1905 года... В конечном счете, несмотря на все заблуждения и крайности той эпохи, эту оценку Г. Н. Потанина нет необходимости существенным образом корректировать. Григорий Николаевич Потанин как достойный гражданин и ученый не мог быть абсолютно в стороне от политики.